

АНАТОЛИЙ ТИЛЛЕ

СОВЕТСКИЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ФЕОДАЛИЗМ
1917–1990

Анатолий Тилле

**Советский социалистический
феодализм 1917–1990**

«Пробел-2000»

2005

ББК 67.99(2)-3

Тилле А. А.

Советский социалистический феодализм 1917–1990 /
А. А. Тилле — «Пробел-2000», 2005

ISBN 5-98604-034-1

В книге отражены нетрадиционные размышления автора о роли государства и действии права в Советской России, называвшей себя социалистической, на деле же бывшей феодальной империей. Рассчитана на широкий круг читателей, пытающихся осмыслить прошлое, настоящее и будущее народов, составлявших прежде могучее государство – СССР.

ББК 67.99(2)-3

ISBN 5-98604-034-1

© Тилле А. А., 2005
© Пробел-2000, 2005

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Вводная	9
Глава 1. О книге	9
Глава 2. Правовая наука	15
Часть вторая. Механизм феодального господства	22
Глава 3. Социальный строй «страны победившего социализма»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Тилле

Советский социалистический феодализм 1917-1990

© А.А. Тилле, 2005

Посвящается моей матери, работнице, вступившей в подпольную компартию в 1913 году, когда это не сулило ни чинов, ни дач, а только тюрьму и даже смерть. Жизнь прожила для других.

Для экономии объема книги ссылки на периодическую печать даются в тексте с указанием даты (для газет) или года и номера (для журналов и официальных источников), например: (И. 14.1.86.) – «Известия» 14 января 1986 г. или (О. 1987, № 17) – «Огонек». 1987 г., № 17.

Общие периодические издания

АиФ – газета «Аргументы и факты»

Б. или К. – главный теоретический журнал ЦК КПСС «Большевик», позднее – «Коммунист»

ВМ – газета «Вечерняя Москва»

И – газета «Известия»

ЛГ – газета «Литературная газета»

КП – газета «Комсомольская правда»

МП – газета «Московская правда»

НМ – журнал «Новый мир»

О – журнал «Огонек»

П – газета «Правда»

СЗ – журнал «Социалистическая законность»

СИ – газета «Социалистическая индустрия»

СР – газета «Советская Россия»

Т – газета «Труд»

Официальные издания

БВСР – «Бюллетень Верховного суда РСФСР»

БВСС – «Бюллетень Верховного суда СССР»

ВВСР – «Ведомости Верховного Совета РСФСР»

ВВСС – «Ведомости Верховного Совета СССР»

СУ РСФСР – «Собрание узаконений РСФСР»

СЗ СССР – «Собрание законодательства СССР»

СП СССР – «Собрание постановлений правительства СССР»

Кодексы РСФСР

ГК РСФСР – Гражданский кодекс РСФСР

ГПК РСФСР – Гражданский процессуальный кодекс РСФСР

ИТК РСФСР – Исправительно-трудовой кодекс РСФСР

КЗоТ РСФСР – Кодекс законов о труде РСФСР

УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР

УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

Кодексы приводятся с указанием года издания. Если год не указан – это кодексы действующие (до 1990 г.)

Предисловие

Опровергать «ОЧЕВИДНЫЕ» факты невероятно трудно. Особенно, преодолевать отпор ученых «авторитетов». Тысячи лет миллионы людей видели, как солнце всходит и заходит, то есть вращается вокруг земли. Геоцентрическая система Птолемея-Аристотеля была очевидной и потому незыблемой. Гениальный Коперник, опроверг ее, но свое открытие при жизни не опубликовал. Опубликованный труд был проклят. Через 50 лет за эту идею сгорел на костре Джордано Бруно. Еще через 50 лет Галилей перед судом святой инквизиции покаялся в своей «ошибке». Тысячи очень ученых мужей, астрономов в том числе, отвергали гелиоцентрическую систему.

Весь мир, миллионы людей видели «строительство социализма» в СССР. Даже злейшие враги СССР сражались с социализмом. Если отдельные люди, как Оруэлл, видели отвратительные черты этого строя, то они считали отвратительным социализм. Социализм был очевиден в плакатах, решениях съездов партии, «громадьях планов», энтузиазме масс на великих стройках, в книгах ученых и писателей, кинофильмах и прочем. О западных специалистах можно не говорить.

Но почему СССР не мог при титанических потугах не только перегнать, но просто догнать капиталистические страны по уровню производства, хотя по Марксу социализм – высшая формация? Возможно, ответ был бы найден, но никто даже не ставил вопроса! А ответ простой – в России установился строй социалистический по форме, феодальный по сущности. Это и есть главное в книге.

Получилось так, что, независимо от меня (я не мог представить развала СССР) книга полностью охватила всю историю советской России с 1917 года до ее конца. Аналогичной книги по критической истории советского государства и права нет и, думаю, долго не будет. Прошло 12 лет с первого издания моей книги и даже попыток обсудить эту проблему не видно. И некому.

Точнее, я не писал книгу, а изучал для себя строй России, как тогда говорили, «в стол», в тайне даже от жены (не потому, что ей не доверял; не хотел волновать), не имея ни малейшей надежды на опубликование. А поэтому без учета цензуры и даже самоцензуры. Я удовлетворял свое любопытство, пытаясь понять, что это за строй, в котором все перевернуто с ног на голову, в котором абсурд – главная черта?

Конечно, такие книги когда-нибудь будут написаны, но уже *post factum*, с взглядом из будущего в прошлое. Я же писал из настоящего о настоящем. Писал несколько лет, повседневно собирая материалы, законодательство, судебную практику, наблюдая их применение в жизни. Делать это много лет спустя неизмеримо труднее. Поэтому книга останется уникальной. Можно с полным основанием сказать, что эта книга – документ эпохи. Поэтому же я не стал ее исправлять и дополнять, а также комментировать последовавшие изменения. Книга останется памятником истории России. «Перестройка» и «гласность» сделали возможным ее издание в 1992 г., под заглавием «ПРАВО АБСУРДА. Социалистическое феодальное право», хотя и микроскопическим тиражом. Сейчас уже найти ее невозможно (в «Ленинке» и «Историчке» она есть).

Последующие события изложены в моей книге «Великая криминальная революция в России. Мафия у власти», вышедшей в США в 2003 г. Российские издательства опубликовать ее отказались.

В первом издании я совершил ошибку большинства людей, отождествивших идею коммунизма с людоедским режимом, называвшим себя коммунистическим. Если все религии мира обещают рай на небе за страдания на земле, то идея коммунизма, возникшая раньше христианства, есть мечта о создании справедливого общества на земле. Поэтому идеи коммунизма так же неистребимы как религии и заслуживают, как минимум, уважения. Поэтому главу

против марксизма в первом издании, я удалил. Я также немного сократил книгу и немного изменил ее структуру по сравнению с первым изданием. Главное – анализ существовавшего в СССР строя и его история с 1917 по 1990 г. – осталось неизменным.

Я исследовал и описывал современный мне строй. Независимо от меня, книга в какой-то степени стала книгой о прошлом. Я говорю «в какой-то степени», поскольку это скорее предупреждение на будущее.

Часть первая. Вводная

Глава 1. О книге

«... научное понимание нашей системы невозможно. Тут все спрятано, размазано. И что самое поразительное – оно никому не нужно. Оно особенно не нужно критике нашего общества».
А. Зиновьев

Эта книга – не публицистика (вроде хрущевской Программы КПСС¹), а научное исследование, хотя я хочу, чтобы она была доступна и интересна не узкому кругу юристов-советологов, а всем, кого волнуют проблемы современного общества и тенденции его развития.

Но если я признаю сказанное А. Зиновьевым, то могу ли я претендовать на научность? Придется разъяснить: наука исследует факты, но в нашей системе данные, относящиеся к социальной жизни либо секретны, либо настолько искажены, что делать по ним выводы рискованно. Возьмем экономику: данные, публикуемые Центральным статистическим управлением (ЦСУ), как правило, фальсифицированы. После смерти Сталина нам сообщили, что все прежние данные об успехах сельского хозяйства – ложные, а урожаи никогда не достигали уровня 1914 года. Значит ли это, что в дальнейшем публиковались правильные цифры? Несколько лет данные об урожаях не публиковались вообще. А если бы нам удалось их получить? Это тоже ничего не даст, поскольку приписки (фальсификация) делаются на всех уровнях, от колхоза, района, области, республики до самого ЦСУ.² Ну а если бы фантастическим образом мы достали сведения о сдаче продуктов каждым колхозом? Это тоже ничего не даст: десятилетиями проникают в печать сообщения о том, как для выполнения плана колхозы закупают, например, масло в магазинах, а затем его снова сдают государству. Таким образом, один и тот же продукт сдается и попадает в сводку несколько раз.³ В свое время (точнее, в хрущевское) Ларионову, секретарю Рязанского обкома партии, где такие повторные сдачи превысили «разумные» пределы, пришлось застрелиться. Не исключено, что ему в этом «помогли».

То же самое происходит в промышленности, где наряду с простыми приписками практикуются «бестоварные поставки»: директор завода, не выполняющего план, договаривается с другим заводом, что он тому якобы высылает готовую продукцию. Выписываются необходимые документы, счета направляются в банк и т. д. и эта несуществующая в природе продукция входит во все сводки ЦСУ. «Бестоварные поставки» настолько распространены, что законодательством (пост. Совмина СССР от 22.8.73.) предусмотрен штраф в пользу банка в размере 7 % от суммы «поставки», когда такой случай вскрыт.⁴

¹ «В ближайшее десятилетие (1961-1970 гг.) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма – США... Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество...» Третья программа КПСС. Принята на XXII съезде – 1961 г.

² Начальник областного статистического управления делал приписки по распоряжению секретаря обкома партии. На упрек следователя ответил: «Если бы я этого не делал, сейчас здесь сидел бы другой начальник». (И. 27.12.86.) Отсюда «... истинной информацией о реальных процессах в экономике не обладало и Политбюро» (0.1988, N 46) Совхоз «Новопокровский» (Кубань) произвел за пять лет 2,4 тыс. тонн молока, а сдал... 4,2 тыс. тонн! Приписки обнаружены на каждом третьем предприятии. (П. 26.3.90) Пять лет перестройки! Но это не значит, что в других предприятиях приписок не было.

³ Н. Кузнецова. Преступление и преступность. Автореферат диссертации. М., 1968, с. 21. Как видите, говорится о преступности, а данные приводятся о судимости, причем сравнение делается с 1963-1965 гг., когда по указанию Н. Хрущева прекращали в массовом порядке уголовные дела с передачей преступников «на поруки» предприятиям и общественным организациям.

⁴ «Сейчас все прокуроры активно ведут борьбу с этим весьма распространенным нарушением финансовой дисциплины».

Вот и попробуйте изучать советскую экономику на основе таких данных! И все же западные экономисты ухитряются ее изучать и некоторые (не все, конечно) дают в целом верные ее оценки.

О советской правовой науке серьезно говорить вообще нельзя, ибо она целиком подчинена надуманным и часто меняющимся концепциям партии и с жизнью не имеет ничего общего или, во всяком случае, очень мало общего.

Так, все юристы знали (просто знали), что преступность у нас постоянно росла.⁵ Но это противоречит марксизму, утверждающему, что преступность порождается социальными условиями антагонистического эксплуататорского общества. При социализме же социальные причины преступности отпадают, следовательно, преступность при социализме должна сокращаться. А раз она должна сокращаться, значит, она постоянно сокращается. Цифры преступности были абсолютно секретными, хотя, казалось бы, хоть в этой области было бы полезно показать всем неверующим преимущества социализма. Так как же советские юристы доказывали, что преступность у нас сокращается? Либо никак, ибо аксиома, как известно, доказательств не требует, либо так: «Для состояния и динамики преступности в этот период (период социализма и строительства коммунизма. Авт.) характерно общее постепенное и одновременно неравномерное снижение. Преступность за последние 20 лет сократилась на одну треть по сравнению с довоенным периодом. В частности, число осужденных на 100 тыс. населения сократилось по сравнению с 1940 г. более чем в два раза, а с 1928 г. более чем в 3,8 раза. Судимость в 1963–1965 гг. была самой низкой за последние 30 лет».⁶ И автор делает вывод о «колоссальных успехах советского государства и общества в преодолении преступности»! И за это получает степень доктора юридических наук, а в 1985 году и Государственную премию!

В исследовании я буду опираться на известные мне факты. Но сколько фактов можно привести в обоснование каждого высказанного положения? Сто? Тысячу? В пределах разумного объема книги это невозможно. Но даже тысяча фактов не убедит западного «социалиста», если он не хочет видеть правду, и не избавит меня от обвинения в «клевете на советский строй».

Сколько миллионов людей погибло в 1930–1933 г. от организованного властями голода на Украине? Вдумайтесь в эти слова: «голод на Украине» – «житнице России»! Еще живы свидетели трагедии, но когда в 1988 г. канадцы украинского происхождения подняли этот вопрос, советское посольство в резкой форме заявило о лживости таких утверждений, сопровождая заявление оскорблениями канадцев. И правительство Канады снесло оскорбления. Неужели все население Украины должно было погибнуть, чтобы сейчас этот факт был сквозь зубы признан со ссылкой на «погодные условия»?⁷

В период горбачевской «полугласности» в периодической печати стали появляться частичные свидетельства о голоде на Украине. Интересны, в частности, воспоминания вдовы Н.Бухарина, который в то время был на Украине и толпе голодных детей «отдал всю свою наличность» – типично советское явление: сначала довести до голода, а потом организовать

плины» (СЗ, 1985, N12, с.49). Отметим, что по закону это не нарушение финансовой дисциплины, а уголовное преступление – ст.152 УК РСФСР.

⁵ Впервые это было признано пленумом Верховного суда СССР в конце 1986 г., причем говорилось о «впечатляющем росте» (см. ЛГ 17.12.86.). Однако конкретные цифры начали публиковаться только с 1988 года.

⁶ Алексеев С. отмечает следующие пороки советской юридической науки: а) утрата статуса подлинной науки; б) апология советского государства и права; в) догматизм; г) неблагоприятная нравственная атмосфера (СГП, 1989, N 5, с.76). И кается: «...негативные оценки без каких-либо оговорок относятся и к тому, что было написано автором этих строк». Что верно, то верно.

⁷ Р.Конквест в потрясающем исследовании «Жатва скорби» (Лондон, 1988) излагает хорошо документированную историю организации геноцида руководством коммунистической партии. При этом он показывает, как от категорического и полного отрицания факта голода (отрицавшегося, кстати, и западными либеральными «очевидцами» вроде Бернарда Шоу) в СССР приходят к его полупризнанию.

«благотворительность», подавать милостыню. По возвращении в Москву Н.Бухарин рассказывал об увиденном отцу жены и при этом «рухнул на диван в истерических рыданиях» (О. 1987, №48). Не лишне заметить, что этот воитель за дело рабочего класса был в то время членом политбюро, т. е. верховным правителем государства, видным публицистом, но нигде публично по поводу голода на Украине не сказал ни слова.

Появились рассказы о восстании в Новочеркасске, хотя совсем недавно люди попадали за это в лагеря. Но мне пока не попадались в печати рассказы о восстаниях в Темир-Тау, Черкасах и многих других.

На Западе есть книги о советском праве, обнаруживающие компетентность авторов и знание предмета. Естественно, диапазон тенденций их весьма широк: от восхваления до враждебности. Взгляд извне, с позиций иного права очень полезен; эти книги помогли мне многое увидеть в «родном» праве, чего я не замечал («лицом к лицу лица не увидать»). И все же взгляд «изнутри» более точен. Но таких книг нет. Советская юридическая литература в большинстве представляет собой лживую апологетику. Избежать этого можно только в узкоспециальных вопросах, иначе работы просто не увидят свет. Известные мне западные книги о советском праве либо трактуют его в целом, т. е. характеризуют его принципы и источники, либо отдельные институты догматически и статически (то, что в сравнительном правоведении называется «книжным правом»). Используемая практика в советских изданиях отпрепарирована и имеет мало общего с подлинной практикой. Хотя последнее время западные юристы все больше внимания уделяют социологии и материальным условиям жизни общества, догматика и привязанность к букве норм пока еще остаются «в крови».

Я же хочу познакомить читателя с «живым правом» и, по возможности, в его истории, в динамике и развитии. Поэтому наилучшую картину советского права следует рисовать именно с марксистских материалистических позиций. Контраст теории и практики «научного коммунизма» получится более рельефным.

Наконец, любой западный юрист в силу своего юридического воспитания и мышления, независимо от идеологической позиции и отношения к социализму и к советскому праву, рассматривает советское право как некую логическую систему, плохую или хорошую, но систему. Между тем, главное и определяющее в советском праве – АБСУРД, в целом и в деталях, вытекающий из абсурдности всей социально-экономической системы.

Фантазия Свифта, Гоголя, Оруэлла бледнеет перед фантастикой советской жизни. В ней все перевернуто, стоит вверх ногами. Не поняв значения абсурда советской действительности, нельзя его даже заметить: человек с нормальным мышлением просто его не воспринимает. Сталкиваясь с абсурдом, человек полагает, что чего-то не понимает и потому просто пропускает мимо.

Конечно, абсурды встречаются всюду: разве не абсурд, что 40 лет США на деньги своих налогоплательщиков содержат на своей территории советских шпионов? Только недавно это осознали и предпринимают робкие, и пока безуспешные попытки избавиться от этого бремени. А разве не абсурд, что Запад тратит огромные средства на вооружение, не скрывая, что оно направлено против потенциального врага – «социалистических» стран, но в то же время кидается им на помощь, когда они попадают в гибельное положение (Эфиопия, Польша, СССР)? И так было еще в 1917-1922 гг., когда Запад тратил деньги налогоплательщиков для спасения тех, кто расстреливал и грабил народ и ставил задачей организовать мировую революцию и уничтожить «буржуев».

Однако повсюду абсурд – исключение, у нас же абсурдна вся система как общее явление и потому воспринимается как норма.

Поэтому и для советского читателя основная идея книги окажется новой, – он, живя в абсурде, привыкнув к нему, например, к паспортной системе, к неплатежам заработной платы месяцами и годами, естественно, считает их нормой.

Хотя положение это далее повсюду развивается, необходимо все же привести некоторые примеры, чтобы ввести читателя в курс советской жизни.

В разгаре горбачевской «перестройки» директор одного совхоза в Ярославской области глубокой ночью поднимал людей с постелей, вызывал их на совещания, где жестоко всех распекал за неумение работать, выталкивал людей из кабинета, вскакивал на стол, плясал на нем, приговаривая: «Я директор! Я выше всех»! И только когда он убил двух работниц, окружающие «догадались», что директор – сумасшедший! (СР 16.7.89.) Его поведение было известно не только подчиненным работникам совхоза, но и районному начальству, которое через своих осведомителей знает все, что происходит в районе. Но в том и дело, что его поведение всеми – начальством, партийной организацией и, тем более, рабочими, – воспринималось как нормальное!

О чем говорить, когда во главе государства стоял самодур, стучавший ботинком по кафедре на сессии ООН, разбивавший кулаком стекло на письменном столе (что сразу вошло в моду у чиновников всех рангов) при распекании подчиненных? И когда он повелел сеять кукурузу в Архангельской и Вологодской областях, миллионы деятелей, заведомо знавших, что кукуруза там не растет, что это – выброшенные деньги и загубленный труд, с энтузиазмом, со знаменами и с песнями, бросились выполнять указание. Возможно это в нормальной стране?

А как нормальный человек воспримет «социалистическое соревнование за перевыполнение планов» между кладбищами и крематориями? И в то же время случаи, когда родственникам выдавали прах покойников, за отсутствием урн... в целлофановых пакетах! И хорошо, что так, а не в кульках, свернутых из газеты «Правда»! В родильном доме №10 Москвы трупы детей временно складывались... в туалете для рожениц! (ноябрь 1989, сообщение московской телепрограммы)

Но это, как говорится, «мелочи быта». Возьмем абсурды покрупнее, начиная, как положено марксистам, с базиса, с экономики.

Россия была страной аграрной; огромные просторы с различными климатическими условиями давали возможность тысячу лет экспортировать хлеб, а ныне мы «превратили Америку в наш аграрный придаток», а заодно Канаду и Австралию. Перманентный кризис сельского хозяйства объяснялся плохой погодой⁸, изобрели даже глубокомысленную формулу: «Россия лежит в зоне рискованного земледелия», как будто после Октябрьской революции климат в России изменился. И вот теперь крестьяне из деревни за продуктами и за хлебом едут в город! Советский Союз закупает зерно главным образом для откорма скота, но в то же время ст. 154¹ УК РСФСР устанавливает для граждан уголовную ответственность до трех лет лишения свободы с конфискацией скота или без таковой за скупку в магазинах хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов для скармливания скоту и птице.

Систематически нечем кормить скот. Писатель Б. Можаяев рассказывает о повсеместном явлении: траву не косят, она засыхает и пропадает, но зато заготавливают по плану для корма скоту... березовые веники! Вырубают воспеваемые в стихах и песнях «русские березки»... Рубят рабочие, студенты, школьники... Оканчивающие школу не могут поступить в институт: им не выдают аттестаты, пока они не нарубят норму веников (200 в день на человека)... Но при этом коровы, конечно, веников этих не едят, а заставить их, как людей, невозможно, веники засыхают, на следующий год их выбрасывают... и заготавливают новые! (ЛГ 30.7.80.)

Положение в промышленности не лучше. Беседа с заместителем главного редактора «Правды» Д. Валовым о развале в экономике озаглавлена «Абсурд в квадрате».

Народное хозяйство считается плановым; составляются и утверждаются народно-хозяйственные планы и подавляющее большинство не только простых людей, но и ученых искренно в это верит, хотя никакого планирования у нас никогда не было. Ибо централизованное плани-

⁸ Шутка: четыре бича советского сельского хозяйства: зима, весна, лето и осень.

рование в масштабах такой огромной страны вообще физически невозможно, есть разверстка, называемая планом, по принципу «от достигнутого», т. е. если в прошлом году вы выполнили план на 100 %, то в этом году вам запланируют 102 %, и вы напрасно будете доказывать, что достигли предела возможностей. Поэтому «планирование» существенно тормозит развитие, ибо директор, который может дать 120 %, свои возможности скрывает; если он даст их, то на будущий год министерство назначит ему 125 %, независимо от того, нужна эта продукция или нет. Мы начали производить тракторов чуть ли не в 5 раз больше, чем США (при отвратительном качестве), когда было затеяно строительство грандиозного (каждое строительство у нас должно «переплюнуть» предыдущее) тракторного завода в Елабуге. Когда вогнали в него миллионы, опомнились. Теперь собираются перестраивать его в автомобильный завод. С помощью иностранцев.

По свидетельству Г. Арбатова, в 1989 г. богатые США произвели 6 баллистических ракет, а выпрашивающий у них милостыню СССР – 120! В ноябре 1991 г. Горбачев сказал в Иркутске, что мы произвели 64 тыс. танков, больше, чем весь мир. Девать некуда и надо искать средства на их уничтожение! Интересно, когда Президент об этом узнал?

Теперь перейдем к делам государственным. Президент великой державы, «верный соратник Ленина и Сталина» М. Калинин принимает глав дружественных держав и иностранных послов, вручает ордена, подписывает законы, а его жена сидит в лагерях по личному распоряжению главы коммунистической партии. После нескольких лет тяжелых работ пристроена на «легкую» – счищает вшей с одежды зеков при лагерьной бане (0.1988, N13). Возможно ли такое где-нибудь, кроме «первой страны победившего (нас!) социализма»?

Что касается духовной жизни, науки и культуры, то здесь абсурды поистине гомерические: все вопросы решают невежественные и некомпетентные чиновники аппарата ЦК партии. И если проходимцы типа Лысенко имеют туда доступ, они могут любую научную идею запретить и любую чушь провозгласить высшим достижением человеческой мысли. Так Лысенко добился объявления генетики («менделизма-вейсманизма-морганизма») лженаукой. Ну и что, спросят западные либералы, мало ли у нас на Западе мракобесов и дураков? Но если там над ними можно просто посмеяться, то у нас нет борьбы идей, как таковых. Идеи, утвержденные ЦК в качестве истинных, и только они, подлежат распространению, объявленные же ложными – уничтожению вместе с их носителями. Так были разгромлены все генетические институты и лаборатории, а наиболее выдающиеся генетики во главе с гениальным ученым нашего века Н. Вавиловым были расстреляны или погибли в лагерях. Советская генетика была отброшена на десятилетия назад. Были объявлены ложными и реакционными теория относительности Эйнштейна и кибернетика. Даже слова такого нельзя было найти в многотомной советской энциклопедии.

СССР первым создал и применил в боевых условиях ракетное оружие. Оно было разработано сначала группой энтузиастов во главе с Цандером – Группой изучения реактивного движения (ГИРД). – занимавшихся этим делом в свободное от работы время (как у нас говорят, «на общественных началах»). Шутя, они расшифровывали свою аббревиатуру – «группа инженеров, работающих даром». Затем на их базе был создан специальный институт, а затем по ложному доносу они были арестованы, руководители (Лангемак и др.) расстреляны, другие (в том числе знаменитый впоследствии генеральный конструктор космической техники Королев) попали в лагеря, откуда после начала войны с Германией, когда «непобедимая и легендарная» Красная армия покатила к Москве, они были переведены в так называемые «шарашки» – лагеря, в которых зеки занимались научно-конструкторскими работами военного характера (описаны Солженицыным в романе «В круге первом»). Так награждали у нас выдающихся изобретателей!⁹ Не избежал этой судьбы и авиаконструктор Туполев.

⁹ В декабре 1991 г. (через полвека) заслуги гирдовцев признали. Сам Горбачев вручил ордена... вдовам!

Бездарные, но «готовые к услугам» писатели и поэты, режиссеры и артисты получают обильные гонорары, ордена, премии и почетные звания. Когда Брежнев увещал себя всеми возможными орденами (включая орден «Победы») и медалями (включая медаль Маркса за выдающийся вклад в общественные науки), он возжелал увековечить свое имя в русской литературе. Его воспоминания, изготовленные наемными борзописцами, были объявлены шедеврами литературы, Писатель Чаковский призвал всех писателей учиться писать... у Брежнева! По этим книгам тут же были поставлены фильмы и спектакли, каждый из которых отмечался премиями и восхвалялся. Жаль, что Брежнев вскоре умер, и мы не дождались оперы, которую наверняка уже сочинил какой-нибудь композитор. Естественно, что на другой день после его смерти все эти художественные шедевры вместе с памятником его «военного триумфа» на «Малой земле» были выброшены.

Зато судьба подлинно талантливых художников, как правило, печальна. Гумилев, Орешин, Цветаева, Ахматова, Михоэлс, Пастернак, Солженицын, Бродский... – список слишком велик, чтобы его можно было продолжать, – убиты, изгнаны, преследовались... Газета «Вечерняя Москва» в статье «Расстрелянная литература» привела список 98 уничтоженных литераторов-москвичей (ВМ. 12.11.88.), по Союзу их насчитывалось около 300, хотя полные списки еще не составлены.

Широко известна судьба академика Андрея Сахарова, отправленного в горькую ссылку без суда и следствия... Как поступили его коллеги-академики? Протестовали? Как бы не так! Осудили его самым подлым образом! Но и на сессии нового «перестроечного» съезда «народных избранников» Сахарову не давали говорить, затопывали и захлопывали...

Таковы лишь немногие штрихи нашей абсурдной жизни. Не знаю, заметил ли читатель, как соприкасаются примеры абсурдов с правом, хотя непосредственно они относятся к другим сферам?

Вы пишете стихи; лирические, не имеющие отношения к политике. Но если «партией» они признаны вредными, то и они и их автор подлежат уничтожению. Как легально можно их защитить? Если такой смельчак найдется, то он последует за ними. А если вас кто-то потихоньку пожалеет, то о нем и не узнает никто.

Если вам приказано ехать на заготовку березовых веников для несчастных коров, вы поедете, понимая совершенно идиотскую бессмысленность этой затеи. У вас нет никаких легальных средств для протеста и даже пассивного сопротивления. А нелегальный протест приведет вас только в лагерь.

Если генетика (кибернетика, теория относительности и т. д.) объявлена «партией» лженаукой и ликвидирована, а вы – генетик по специальности, благодарите судьбу, что вас не арестовали и вы можете работать дворником. Есть ли закон или государственный орган, которые могут вас защитить?

Если вы – директор фабрики и прекрасно знаете, что производите продукцию, которая никому не нужна, которой забиты склады и дворы, вы будете продолжать производство, ибо план – закон и его надо выполнять (это аксиома нашего производства) «любой ценой»!

И, наконец, вы – президент государства, высшее должностное лицо... Но вашу жену произвольно по ложным обвинениям, среди которых – шпионаж и терроризм, бросили в лагерь давить вшей. Какой закон вашего государства может ее спасти?

Не поняв этого, нельзя понять советского права, которое есть право абсурда.

Основной абсурд советской жизни состоит в том, что крепостное право облечено в социалистическую форму. Потемкинский социализм строят крепостные. Граждан с кандалами на ногах и оковами на руках призывают лететь к сияющим (А.Зиновьев – «зияющим») высотам.

Не поняв этого, нельзя понять России.

Глава 2. Правовая наука

Подробно анализировать «социалистическую» науку о государстве и праве, в которой советская наука играет ведущую роль, в книге, предназначенной для широкого круга читателей, нет необходимости, тем более, что непосредственно она ни на законотворчество, ни на практику не оказывает серьезного влияния.

Почему тогда все же надо хоть немного о ней сказать? По двум причинам: во-первых, в современных условиях право всех стран в значительной мере идеологизировано и факт этот достаточно хорошо известен; в «социалистических» же странах идеология марксизма-ленинизма составляет основу правосознания юристов.¹⁰ Во-вторых, правовая наука составляет неотъемлемую часть целенаправленной и систематической партийно-политической пропаганды, оказывающей влияние на правосознание народа, а также на правосознание самих руководителей, работников партийно-государственного и юридического аппарата.

Главная, характерная особенность «социалистической» правовой науки – беспринципность, закономерно вытекающая из декларируемого и повседневно отстаиваемого принципа «партийности науки», т. е. неукоснительного следования «линии партии», как бы она не менялась.

Поэтому все без исключения ученые должны по команде менять свои взгляды, если они хотят сохранить свое место в науке. Мгновенная смена «убеждений» стала настолько будничной практикой, что ни у кого не вызывает удивления или, тем более, упреков. Ясно, что человек – не корова и менять свои взгляды может. Но если вчера ученый подробно «анализировал зримые черты развитого социализма», а сегодня по команде из ЦК: «отставить развитой социализм!» подвергает эту «концепцию» злой критике, это уже – очевидное холуйство.

Истина у нас не рождается в спорах, ибо спора с «линией партии» быть не может. Проходимец Лысенко, получив благословение ЦК, не спорил с гениальным Н.Вавиловым и другими генетиками. Он просто с помощью КГБ растаптывал их морально и уничтожал физически.

И это в естественных науках, где, казалось бы, за себя говорят эксперименты, где гены видны под микроскопом... Но если ЦК утверждает, что генетика и кибернетика – буржуазные лженауки, то никаких доводов противопоставить нельзя. Что же сказать о философии, экономике и праве?

В любом общем труде подчеркивается главный принцип нашей науки – принцип партийности: «Это всеобщий(!) принцип марксистско-ленинской юридической науки, неотъемлемое ее качество».¹¹ Принцип партийности обязывает безоговорочно одобрять выраженную в законах волю партии, даже если она явно антинародна. Никогда столь восторженно не восхваляли советские юристы социалистическую законность и демократию, «расцветавшие под солнцем Сталинской Конституции», как в 1937-38 годах, когда по данным некоторых исследователей (журналист А.Мильчаков) только в Москве расстреливали по 800 человек в день.

Можно было бы признать, что верность чему-то, доведенная до фанатизма, если не оправдана морально, то понятна. Но дело в том, что «политика партии», как любая политика непрестанно и непредсказуемо колебалась, иногда в самые противоположные стороны (напри-

¹⁰ Об этом, например, пишет Ж.Л.Константиеско. Он также отмечает, что юристы «социалистических» стран используют сравнительный метод как оружие в идеологической борьбе и видят свою задачу в показе превосходства социалистического государства и права». J.-L.Constantiесco. *Traite de Droit Compare*, t.2, Paris, 1974., p. 30–34.

¹¹ «Марксистско-ленинская общая теория государства и права, т.4 – Социалистическое право», М., 1973, с. 9. Это самый крупный за всю историю советской науки коллективный труд по теории государства и права, занимающий особое место, как согласованное и сведенное к общему знаменателю мнение наиболее известных и титулованных советских «теоретиков». Поэтому цитироваться сей труд будет преимущественно, но учитывая слишком длинное его название, далее в ссылках он будет указан под аббревиатурой МЛОТГП с номером тома.

мер, переход от «военного коммунизма» к «новой экономической политике»; уже в период «перестройки» – от слияния всех форм социалистической собственности в единую общегосударственную, общенародную собственность к «разгосударствлению» собственности и к частной собственности). Недаром была такая шутка: он – непоколебимый коммунист; если колебался, то только вместе с партийной линией!

Апология действующего на сегодня права и правовой политики достигает Монбланов бесстыдства. Советское право, – пишут ведущие юристы в коллективном труде, – «является воплощением идеалов и представлений трудящихся о законности, справедливости и гуманности»!¹² Это в стране, где за колючей проволокой лагерей уничтожались миллионы, где был организован голод, унесший миллионы жизней, а голодных крестьян по Закону от 7 августа 1932 года расстреливали за сбор колосков, оставшихся после уборки урожая (а их все равно должны были запахать)? Где целые народы безвинно объявлялись преступными и подвергались уголовному наказанию и депортации (они до сих пор не восстановлены во всех правах и не получили компенсации за разграбленное имущество и перенесенные страдания; более того, не допускаются на свою родину (крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхетинцы и др.)? Где солдаты безнаказанно рубят лопатками молоденьких девушек (1989 – Тбилиси), расстреливают безоружное население (1990 – Баку, 1991 – Вильнюс и Рига)? Ни один «ведущий» юрист никогда не протестовал против нарушений права и не участвовал в правозащитном движении. Ни нынешний глава юридической науки В.Кудрявцев, ни бывший ее глава и заведующий сектором прав человека Института права В.Чхиквадзе, ни председатель комитета конституционного надзора С.Алексеев не выступили в защиту коллеги по Академии наук – Андрея Сахарова, не протестовали против резни и расстрелов. Они были впереди и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле, сохранили свои позиции и сейчас. Первыми восхваляли политику данного периода, осуждая нарушения предшествовавшего. И именно они представляют советскую науку на международных конференциях, им по-прежнему охотно предоставляют страницы западные журналы для дезинформации.

В. Чхиквадзе опубликовал в ФРГ статью о повороте советской юридической науки к правде.¹³ Конечно, после семидесяти лет лжи¹⁴ такой поворот можно было бы признать «своевременным», если бы он действительно произошел. Просто сменился директивный курс и юристы привычно поворачивают в указанном направлении, каюсь в прежней лжи и сочиняя новую.

Естественно, возникает вопрос, а кто мешал, если не всей науке, то автору сделать «поворот» раньше? И он отвечает – А.Вышинский!¹⁵ Как ни привык я к наглому бесстыдству (бесстыд ной наглости?) наших юристов, эту статью невозможно читать без негодования, ибо он, как осел, лежащий мертвого льва, свои собственные грехи валит на А.Вышинского! Не имея возможности здесь разбирать его статью, приведу один пример: Чхиквадзе обвиняет Вышинского в преследовании видных ученых, в частности Г.Гурвича и А.Стадьевича. На деле же, когда в 1949 г. по приказу Сталина была развернута грязная антисемитская компания во всех областях науки и культуры, чистка учреждений от евреев и их аресты под лозунгом «борьбы

¹² Теория правового государства «теоретически несостоятельна, практически неосуществима... имеет исключительно пропагандистское значение. Militarистские и реваншистские тенденции, легальное оживление неонацистских сил – вот, что фактически кроется за «правовым государством». МЛОТГП.т.1, М., 1971,с.397.«Нацистская концепция правового государства как «связки гранат» была направлена, с одной стороны, – против немецкого рабочего класса, а, с другой стороны, – против международного рабочего движения и его авангарда – Советского Союза. Современная концепция правового государства также преследует эту цель». «Критика современной буржуазной теории права». М.,1969,с.266.«Теория правового государства» пронизана идеями антикоммунизма, стремится противопоставить социалистическое государство как «неправовое» буржуазному государству как «правовому». Оно используется и в целях неокOLONIALИЗМА». Теория государства и права. Отв. редактор С.С.Алексеев, М., 1985, с.457.

¹³ МЛОТГП,т.4,М.,1973.с.9

¹⁴ Кудрявцев В. Тенденции преступности и борьбы с ней в СССР. М, 1988. с.8

¹⁵ Chikvadze V. Der schadhliche Einfluss von A.Vyshinskij in der sovjetischen Rechtswissenschaft Osteuropa: Recht, 1989, H.2.

с космополитизмом», среди советских юристов начал компанию, открыл огонь по «космополитам» именно наш храбрый полковник и среди главных вредителей назвал Г. Гурвича, И. Левина, М. Строговича и А. Стальгевича. Редакция солидного немецкого журнала «Osteuropa» опубликовав дезинформационные статьи В. Чхиквадзе, отказала мне в желании сказать об этом правду.

Советская юридическая наука всегда неуклонно следовала за «линией партии» и этим гордилась. Никакого поворота в период «перестройки» в этом отношении не произошло, повернула «линия партии». В период «перестройки» принцип восхваления мудрости партии выраженной в законах так же строго соблюдался.

8 апреля 1989 года (за день до «кровавого воскресенья» в Тбилиси, виновные в котором не найдены до сих пор) М. Горбачев подписал реакционный указ о внесении изменений и дополнений в Закон о государственных преступлениях. В нем статья 11¹ – «Оскорбление или дискредитация государственных органов и общественных организаций» – была настолько одиозной, что впоследствии случилось небывалое: «агрессивно-послушное большинство» Верховного Совета СССР отказалось утвердить этот указ в качестве закона. Однако сразу после опубликования указа два профессора дружно его расхвалили. Хотя они отметили некоторые недостатки, которые, по их мнению, можно устранить путем разъяснений, в целом же генерал Н. Загородников (уголовное право) оценил указ как «прогрессивный», а генерал Н. Стручков («лагерное право») и вовсе без стыда утверждал, что цель указа – «обеспечить с правовой точки зрения процесс демократизации, развития гласности»!¹⁶

Еще один яркий пример беспринципности последнего времени – отношение к «правовому государству». Не было проклятий, которыми бы не осыпали наши ученые эту зловредную буржуазную теорию, особо, по их словам, полюбившуюся гитлеровцам.¹⁷ Но в 1988 году прозвучала команда из ЦК и тот же процитированный сейчас С. Алексеев с присущим ему пафосом восклицает, выделяя текст огромными буквами, что «взятый КПСС курс на формирование социалистического правового государства – ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ПРАВА!»¹⁸ И никто и нигде не вспоминает, что до этого момента идея правового государства вызывала только ругань, а сегодня невозможна ее критика. Вопрос о совести (категория не юридическая) в среде советских юристов никогда не обсуждался.

Что изменилось после ликвидации КПСС? Практически, ничего. Только «установки» исходят из несколько иной системы. ЦК КПСС заменила администрация президента на той же Старой площади, в том же здании, в тех же кабинетах.

Испокон веков наука строилась на исследовании фактов, после чего ученые делали выводы. У нас же как раз наоборот – сначала берется «теоретический вывод», а затем под него подбираются факты, да и то не всегда. Сейчас весь мир осведомлен о катастрофическом уровне жизни советских трудящихся. Руководство великой страны выпрашивает срочную помощь продовольствием даже у Люксембурга, который в 18 раз меньше Московской области, однако в каталоге библиотеки им Ленина я насчитал около двухсот диссертаций о «непрерывном повышении благосостояния советского народа». Книг же и статей не пересчитать. Некий С. Ротань взял для своей докторской диссертации тему «Социальное равенство и советское трудовое право», в которой доказывал тезис Ф. Энгельса – при капитализме происходит расслоение общества, т. е. обогащение буржуазии и обнищание трудящихся, а при социализме наступает социальное равенство. К этому времени благодаря «гласности» вся печать была полна сообщениями о сформировавшихся в нашей стране кастах, о миллионерах и мафиях, с одной стороны, и об ужасающей нищете народа, с другой. Я спросил на защите у автора, какие исследования

¹⁶ V. Chikvadze, Der Umbruch und die Entwicklung der sovjetschen Rechtswissenschaft Osteuropa: Recht, 1990. H. 2.

¹⁷ «Советская юстиция», 1989, N 3. с. 9

¹⁸ Алексеев С. Правовое государство – судьба социализма. М., 1988, с. 72.

он проделал, позволяющие ему сделать такой вывод? Ответить он не смог. В своем выступлении я подчеркнул, что диссертант не привел фактов, подтверждающих его тезис. Никаких, ни одного! Но оппоненты Лифшиц, Кондратьев, Никитинский, как положено, расхвалили диссертацию и ученый совет Института советского законодательства единогласно присудил автору степень доктора юридических наук! А как могло быть иначе? Кто позволил бы ему опровергнуть Энгельса?

Поскольку ученые обязаны следовать партийным установкам независимо от их соответствия реальности, то ложь становится основой науки. Если теория марксизма утверждает, что при капитализме происходит обнищание трудящихся и рост преступности, то это, независимо от фактов, и должны доказывать советские ученые, а все их утверждения, будто они опираются на факты и остаются «на почве фактов», носят чисто словесный, рекламный и демагогический характер.

На деле они тенденциозно отбирают факты и делают из них фальшивые выводы, противоречащие действительности. А когда и этого недостаточно, они извращают и искажают факты и преподносят под видом фактов всякие вымыслы, вроде вымысла, например, о том, что в США господствует демократия». ¹⁹

Обратимся к целой отрасли советской правовой науки – «криминологии», отметившей в 1989 г. свое тридцатилетие. До 1989 г. данные о преступности были абсолютно секретными. Какая же наука может существовать без фактов? А зачем нужны факты, если наша наука базируется на утопии Маркса и Энгельса, согласно которой преступность порождается капитализмом, а при социализме исчезает? Это и «доказывали» все «криминологи».

Занимаясь специально преступностью, даже без статистических данных, они не могли не знать того, что знал весь народ на собственной спине, т. е., что преступность растет. Но они в угоду «теории» подтасовывали факты и потому лгали заведомо. Нынешний глава юридической науки – В. Кудрявцев на VI конференции ООН по криминологии убеждал международную общественность, что: 1) преступность в СССР неуклонно сокращается; 2) снижается общественная опасность преступных проявлений; 3) перестает существовать организованная преступность. ²⁰ Трижды лгал, все как раз наоборот! Подчеркиваю, не ошибался, а лгал заведомо!

И именно за эту постыдную ложь, за дымовую завесу вокруг уголовно-милиейской щелоковской мафии удостоилась в 1985 году группа «криминологов» во главе с В.Кудрявцевым Государственной премии!

Уже в 1986 г. Верховный суд СССР признал (но без цифр!), что преступность у нас растет «во впечатляющих размерах», но в вышедшем в 1988 г. под редакцией профессоров Б.Коробейникова, Н.Кузнецовой и Г.Миньковского учебнике для юридических вузов, как и тридцать лет назад, утверждается, что преступность в СССР – «рудимент прошлых формаций» и «относится к числу затухающих явлений; ее коренные причины необратимо (!) ликвидированы». ²¹

Ученые могут заблуждаться, кроме того, не каждый может, как Джордано Бруно, взойти за свои идеи на костер (великий Галилей перед судом инквизиции отрекся от своего учения), но советские «криминологи» заведомую ложь сделали своей профессией. Чтобы читатель не подумал, что сказанное – месть обделенного премией конкурента, приведу текст показания одного из лауреатов: «Отступления от правды, замалчивания и искажения имели место в борьбе с преступностью, причем не только в практической деятельности, но и в теории, в криминологической науке. Не было правды (!) ни в оценке состояния преступности, ни в объясне-

¹⁹ «Известия», 15 апреля 1989 г.

²⁰ МЛОТГП, т. 1, с. 348

²¹ Я пошутил. Это цитата из советского учебника «Теория государства и права» времен террористического сталинского режима (М., 1949, с. 44), в которой «разоблачаются» западные, т. е. «буржуазные» ученые, «платные агенты империализма». Я только переадресовал ее советским ученым.

нии причин»²². Все верно, но «кающийся грешник» не забыл поставить перед своей фамилией «Лауреат Государственной премии».

Вот так и сочинялись в угоду партии ничего не имеющие общего с действительностью мифы о непрерывном повышении благосостояния советского народа, о несравненных преимуществах социализма, об отсутствии эксплуатации человека человеком, об отсутствии безработицы, о законности, о верховенстве закона и народовласти и т. д. и т. п. И разве теперь эти мифы рухнули? Большинство из них повторяется по формуле: «да, были ошибки, отступления от правды, но теперь... теперь мы перестроились».

Что касается основ теории советской юридической науки, то здесь необходимо и достаточно остановиться на важнейшем вопросе – понятии права.

Не входя в рассмотрение многословных вариантов, все определения права можно свести к двум: 1) право есть возведенная в закон воля экономически господствующего класса;²³ 2) право есть совокупность норм, установленных государством и выражающих волю экономического господствующего класса.²⁴

«Классики марксизма-ленинизма» праву уделяли мало внимания и редкие упоминания о нем выискиваются, тщательно анализируются и развиваются. Первое определение выведено из «Манифеста коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса. Определения права там нет, есть упрек в адрес буржуазии, что свою волю она возвела в закон. Отсюда марксисты заключили, что всякое право есть возведенная в закон воля господствующего класса.

Второе определение было представлено (от авторства он отказывался) А. Вышинским и господствовало в науке пока в ней господствовал сам А.Вышинский.²⁵

Различие в определениях сводится к акценту: воля в первом, норма во втором.²⁶ Нельзя сказать, что акцент не имеет значения: первое определение, ставит на первое место волю господствующего класса, второе же подчеркивает роль закона как формы выражения воли, но в любом случае социалистическое право «всегда является выражением интересов трудящихся и государственной воли, опосредствующей эти интересы.»²⁷

Но 90-95 % объема законодательства вообще не известны трудящимся (и это не только секретные акты), в том числе и членам партии. Кто же формулирует «волю партии»? Мы уже видели, что ЦК (в смысле членов ЦК, а не аппарата) ее не определяет. Остается политбюро. А отсюда недалеко и до мысли, что волю партии и народа может выражать один человек – вождь (кондуктор, дуче, каудильо, фюрер). Так оно и было при Сталине, затем при Хрущеве и Брежнев.

Если мы предположим, что вождь все же может выразить интересы трудящихся, тогда получится, что Закон от 7 августа 1932 года, по которому расстреливали за сбор колосков, за мешок картошки; акты 1934 года о внесудебной расправе с «террористами»; указ от 26 июня 1940 года об уголовной ответственности за отсутствие на работе в течение 20 минут и прочие драконовские законы были изданы по воле народа и в его интересах.

На этой идее воспитывались поколения работников партии и государственного аппарата, юристов и, в конечном счете, всего населения.

Поэтому, если закон запрещает использование детского труда, но «первый» района в Узбекистане или в Молдавии (естественно, с одобрения обкома и ЦК) считает, что экономи-

²² «Советская юстиция», 1989, N 3, с.9

²³ Криминология. М., 1988, с. 63–64

²⁴ МЛОТГП, т.1, с.348

²⁵ А.Вышинский. Вопросы права и государства у К.Маркса. М., 1938, с. 36–37

²⁶ И.Сабо (Венгрия) за второе определение упрекал советскую юридическую науку в нормативизме. I.Szabo. The Notion of Law. Acta juridica, T. 18 (3-4) 1976, p. 263–272. Оснований для такого упрека нет, ибо содержание норм определяется экономически господствующим классом, а не верховной нормой.

²⁷ С. Алексеев, Общая теория права, Т.1.М., 1981, с.104

ческие условия требуют участия детей в уборке хлопка или табака, то он дает такой приказ и по его воле маленькие дети на отравленных пестицидами и гербицидами полях должны работать от зари до зари под палящим солнцем, а потом спать на земле в овечьих кошарах. И кто воспротивится «воле партии»? Прокурор – член бюро райкома? Это несерьезно. Сами дети? Но они беззащитны. Их родители? Но они так же забиты и бесправны, как их дети.

А как же со строительством «правового государства», этим «звездным часом права»? Ответ прост: сама постановка вопроса о строительстве «правового государства» означает, что правового государства у нас нет, а сроки его построения даже приблизительно не определены.

Так или иначе, я надеюсь, что читатель понял, почему надо было хотя бы немного остановиться на состоянии советской правовой науки. В том числе и на таком, казалось бы, отвлеченном вопросе, как понятие права, ибо оно проецируется на практику. Отношение господствующего класса к праву и законности, абсурдно по существу: с одной стороны, полное пренебрежение, презрение к праву, нежелание считаться ни с принципами права и законности, ни с конкретными законами, а, с другой стороны, – совершенно мистическая вера во всемогущество закона. Это противоречие может показаться взаимоисключающим, но оно четко прослеживается на всем протяжении советской истории, начиная с «декретов Октября», «чрезвычайки», кончая милой сердцу западных либералов «перестройкой».

Вознамерившись «реформировать социализм», Горбачев развил бурную, но в общем бесполезную, и даже вредную, законодательную деятельность. Одно из ярких проявлений некомпетентности – «антиалкогольное законодательство» с рядом суровых запретительных мер и резким повышением цен на спиртные напитки. К моменту прихода Горбачева к власти положение с пьянством действительно сложилось катастрофическое. Пьянство захватило не только улицу и домашние очаги, но и производство. Горбачев был уверен, что достаточно издать законы и с пьянством будет покончено. Результат: подрыв экономики и финансов, т. к. около 1/5 бюджета государства составляли доходы от продажи водки, рост самогонварения и спекуляции, наркомании и токсикомании, распространившихся даже на маленьких детей, рост преступности и... дальнейший подъем алкоголизма!

С другой стороны, например, ст.30 Союзного закона – Основ законодательства о труде – четко гласит: «Работа в выходные дни запрещается». Кто и где обращал внимание на этот союзный закон?

Среди множества законов, изданных по инициативе Горбачева, главными для задуманной им «экономической реформы» должны были стать Закон о государственном предприятии (объединении) и Закон о кооперации. Юридическое их качество ниже всякой критики, ибо они оба представляют собой не столько нормативные акты, сколько напыщенные декларации. Основная идея первого – самостоятельность предприятий, но при этом сохранено их подчинение министерствам. Одно исключает другое. Основная идея второго – свободное развитие кооперативов, но закон не содержит никаких гарантий ни для кооперативов, ни для потребителей. Результаты: Закон о предприятии «не работает»; кооперация не может стать на ноги, поскольку госаппарат ее душит, не забывая брать взятки за регистрацию, за предоставление помещений и прочие «услуги», о чем говорили даже с трибуны Верховного Совета СССР. А затем Президент своим указом разрешил милиции и КГБ без ордеров производить проверки и обыски кооперативов. Следов юридического образования Горбачева в законах не видно.

Поскольку право, как считает социалистическая наука, выражает волю господствующего класса, формулируемую «партией», «партия» считает себя способной посредством издания декретов решать любые встающие перед обществом задачи. Это явление блестяще сформулировал писатель А. Зиновьев: «Раз решение принято, для руководства задача считается решенной. Решение своей задачи по принятию решений о решении задачи, оно воспринимает как решение последней».

Право лишь один (и отнюдь не главный) инструмент политики «партии» и не единственная форма выражения ее воли (поэтому и возможна бесчеловечная эксплуатация детей на хлопковых плантациях). «Партия» считает свои веления в любой форме обязательными для подданных, но не для себя. Как точно сформулировал Ленин, диктатура пролетариата есть власть, не ограниченная никакими законами.

А отсюда ни для какой власти (даже на уровне сельского совета или тем более на уровне сельского совета) законы не обязательны. Для председателя сельсовета нет вопроса, что важнее – конституция или указание «первого» района. От «руководства» часто приходится слышать такие типичные выражения: «мы не формалисты», «мы не можем цепляться за букву закона», «в порядке исключения»... Однако, если хотя бы на каком-то уровне законы могут быть необязательными, они перестают быть обязательными везде и для всех, возникает общая атмосфера беззакония, которая, в частности, душит советскую экономику. «План – закон» – вещают партийные руководители с трибун съездов, но ни предприятия промышленности, ни колхозы и совхозы планов не выполняют ни по количеству, ни по качеству. Глохнут крики и призывы к порядку и дисциплине.

Последняя надежда на дубинку и автоматы. Но если ими еще можно установить порядок на улице, то в экономических отношениях ими порядок не установишь.

Часть вторая. Механизм феодального господства

Глава 3. Социальный строй «страны победившего социализма»

*И разве реальная советская жизнь – не воображаемый
шизофренический мир, населенный выдуманными советскими людьми,
строящими мифический коммунизм?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.